

Ли Жуань слишком мало понимал в отношениях между мужчинами и женщинами — поэтому слова Линь Цзяньсюэ он вроде бы понял... и одновременно совсем не понял.

Он в растерянности проводил Линь Цзяньсюэ к выходу из пещеры, и тот, сделав пару шагов наружу, превратился в белую лисицу.

Эта лисица была величиной с обычного взрослого лиса, почти до пояса человеку, с пышной густой шерстью, блестящей под солнечным светом, отражённым от снега.

Ли Жуань смотрел на него с сильнейшей завистью.

Хотя он считал, что сам по себе тоже хорош собой, его лисья форма никогда не росла — и это всегда было его самым большим недовольством.

А такой красивый и величественный лис, как А-сюэ, — вот каким должен быть настоящий лис-оборотень.

Лёгкий ветер колыхнул белую шерсть. А-сюэ повернулся — и Ли Жуань увидел два пушистых длинных хвоста.

Два.

Глаза Ли Жуаня потемнели:

— А-сюэ... твой хвост... всё ещё не вырос?

Не считая самого Ли Жуаня, у которого тело не менялось вне зависимости от уровня культивации, нормальные лисы-оборотни отращивают новый хвост каждые триста лет.

А А-сюэ практиковал уже тысячу — значит, должен был быть трёххвостым.

Но сколько Ли Жуань его знал — у того всегда было только два хвоста.

Когда другие спрашивали, А-сюэ отмахивался, говоря, что потерял хвост в мире людей.

Ли Жуань этого не понимал.

Как можно случайно потерять хвост?

И даже если потерять — неужели за следующие триста лет он снова не отрастёт?

Но вот уже больше трёхсот лет, что они знакомы, — а хвост так и не появился.

Линь Цзяньсюэ замолчал на миг, потом обернулся:

— Ты уже спрашивал об этом десятки лет назад. И опять забыл?

— А? — Ли Жуань вздрогнул. — Извини... я правда не помню...

— Ты вообще ничего не запоминаешь, кроме «хочу вознестись», — с ленивой усмешкой сказал Линь Цзяньсюэ, но без обиды, скорее с лёгкой безнадёжностью. — У меня застой в культивации, я давно не прогрессирую. Поэтому хвост уже не вернуть.

— Тогда я помогу! — мгновенно отозвался Ли Жуань. — Давай подумаем вместе, мы точно что-нибудь придумаем...

— Всё это ты уже говорил десятки лет назад, — прервал его Линь Цзяньсюэ. — И, как видишь, ты совсем не помнишь.

Ли Жуань досадливо почесал уши:

— Неудивительно, что меня называют глупым... голова у меня...

— Не бери близко. Иногда хорошо, что ты ничего не держишь в сердце, — мягко сказал Линь Цзяньсюэ. — У меня уже достаточно силы, мне не критично, смогу ли я продвинуться дальше. А вот ты... Когда восстановишь силу в этот раз — ни в коем случае не вздумай снова сбегать и проходить испытание наобум. Я же не смогу каждый раз подхватывать тебя в последний момент.

Ли Жуань замахал хвостом:

— Понял.

Линь Цзяньсюэ поднял переднюю лапу и легко хлопнул его по голове:

— Ладно, иди.

Цзян Шэнь проснулся только к вечеру.

Он спал слишком долго. Проснувшись, почувствовал слабость во всём теле, сухость во рту, руки и ноги будто ватные.

Он глубоко вдохнул — и ощутил неприятное давление в груди, тяжесть, словно трудно дышать.

Опустив взгляд, он увидел на груди свернувшегося клубочком маленького лиса, спящего, положив хвост ему прямо на сердце.

Не удивительно, что дышать тяжело.

Уголки губ Цзян Шэня чуть приподнялись, и он слегка ущипнул кончик пушистого хвоста.

Разбудить маленького лиса было всегда непросто — но, почувствовав беспокойство во сне, тот обнял хвост передними лапками, прижал к себе и спрятал кончик под голову.

Клубочек стал ещё круглее.

Цзян Шэнь хотел бы поиграть с ним ещё, но сам чувствовал себя плохо, и лежать под тяжестью лиса было трудно.

Поэтому он осторожно взял его за загривок и тихо позвал:

— Маленький лис, просыпайся.

Первый раз тот не проснулся — просто с закрытыми глазами вытянул лапку и отбил руку прочь.

Характер у него был — будь здоров.

— Маленький лис? Ли Жуань? Ли Сяожуань?

Под настойчивыми попытками Цзян Шэня разбудить его Ли Жуань наконец-то открыл глаза.

Он сначала моргнул растерянно, потом поднял взгляд — и, увидев Цзян Шэня, вспрыгнул от радости.

— Цзян Шэнь! Ты наконец проснулся!

Он так подскочил, что наступил тому на грудь — отчего Цзян Шэнь снова закашлялся.

— Ай! Извини! — Ли Жуань быстро соскочил с него и забегал вокруг. — Ты днём был такой холодный, всё время дрожал... Я хотел тебя согреть, но в итоге...

Цзян Шэнь, придерживая грудь, сел:

— Кх... Ты случайно заснул прямо на мне?

Ли Жуань виновато опустил голову.

— Днём... — Цзян Шэнь повернул голову к выходу из пещеры. — Уже ночь? — Снаружи высоко висела луна. Он нахмурился. — Что же со мной было?

— Ты заболел.

При этих словах Ли Жуань поёжился, даже хвост у него скукожился.

Цзян Шэнь заметил, что тот ведёт себя странно, хотел расспросить — но лисёнок уже запикивал ему в руки воду и лекарство.

— Откуда это лекарство? — спросил Цзян Шэнь.

— А-сюэ дал тебе, — ответил Ли Жуань. — Сказал принимать утром и вечером. Утром я уже дал тебе, а сейчас время второй дозы.

Цзян Шэнь покрутил пузырёк в руках, но не стал пить сразу:

— А-сюэ приходил?

— Да, — кивнул Ли Жуань и умолк.

Что-то тут было явно не так.

Цзян Шэнь нахмурился, протянул руку, чтобы погладить лиса, — но тот отпрянул.

— Не даёшь себя трогать? — удивился Цзян Шэнь. — Я тебя чем-то обидел?

— Нет, нет! — Ли Жуань заметался, потом будто набрался решимости, поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза: — Это я виноват. Я хочу извиниться.

Цзян Шэнь опешил:

— Извиниться?

Ли Жуань кивнул и честно рассказал о том, что произошло прошлой ночью — всё, от начала и до конца.

— Я прошу прощения. Я ведь обещал, что никогда не причиню тебе вред. Но вчера... я нарушил обещание и чуть не убил тебя. Прости меня.

Цзян Шэнь задумался.

А потом тихо усмехнулся:

— И только из-за этого ты даже не даёшь мне тебя потрогать?

— Это очень важно! — серьёзно заявил маленький лис. — Оборотень должен держать слово. Сказанное нельзя нарушать.

Серьёзный, упрямый вид лисёнка был настолько милым, что Цзян Шэнь даже не стал его смущать. Он мягко улыбнулся:

— Но я не думаю, что это твоя вина.

— Э? — ушки Ли Жуаня дёрнулись.

— Ты же не специально сделал это. Значит, это нельзя считать вредом.

— К тому же, — добавил Цзян Шэнь, — это я не переложил тебя в гнездо. Значит, ошибка была моей.

Глаза Ли Жуаня засияли:

— То есть... ты не злишься на меня?

— Я и не собирался, — рассмеялся Цзян Шэнь. — А вот ты перестал со мной разговаривать и избегал меня. Если хочешь меня успокоить — разве не должен позволить мне тебя потрогать?

В пещере просквозил ветерок, и маленький лис прямо прыгнул ему в объятия.

— Трогай! Трогай сколько хочешь! — а потом, осознав, что звучит как домашний питомец, поспешно добавил: — Только сегодня! Господин Лис разрешает!

Цзян Шэнь едва удержался, чтобы не рассмеяться — настолько очарователен он был.

После того как он хорошенько его почесал, Ли Жуань снова напомнил про лекарство.

Цзян Шэнь, зная, что тот ему зла не желает, послушно выпил и спросил:

— Но разве ты не говорил, что А-сюэ почти никогда не выходит из пещеры? Ты его специально позвал?

— Нет, он сам пришёл искать тебя, — Ли Жуань замотал хвостом, но не смог толком объяснить, и вдруг спрыгнул с колен: — Пойдём, я покажу!

Маленький лис выскочил наружу.

Днём Цзян Шэнь сильно мёрз, к тому же лисёнок поддерживал огонь в пещере, а трупы могли скоро начать разлагаться, поэтому он вытащил два тела из пещеры заранее...

Днём выпал снег, и два трупа полностью занесло. Маленькому лису пришлось копать всеми четырьмя лапами, прежде чем он их откопал.

— Эти двое... — начал Цзян Шэнь.

— Их нашёл А-сюэ, — осторожно объяснил Ли Жуань, умолчав о том, что А-сюэ их убил. Он внимательно наблюдал за выражением Цзян Шэня и робко спросил: — Эти люди... они пришли искать тебя? Они... связаны с тобой?

Он не осмелился рассказать правду.

Хотя А-сюэ и сказал, что почти все проходящие — враги Цзян Шэня, Ли Жуань в этом не был уверен.

А вдруг А-сюэ ошибся?

А вдруг это были друзья Цзян Шэня, пришедшие на помощь?

Тогда...

Тогда он совсем не знал, что делать.

Каждый раз в таких ситуациях Ли Жуань ощущал, что его ум — не слишком выдающийся.

Он весь день мог смотреть на трупы и думать, думать, но так и не найти решения.

Цзян Шэнь сидел прямо на снегу, наклонился, осматривая тела, и не заметил его мучительных размышлений.

Через некоторое время он сказал:

— Вероятно, эти двое действительно пришли из-за меня.

У Ли Жуаня шерсть на всём теле встала дыбом от напряжения.

— Эти двое пришли убить меня, — спокойно продолжил Цзян Шэнь. — Или... чтобы убедиться, что я уже мёртв.

Оба были одеты как простые крестьяне, но на пальцах и у основания ладони виднелись следы многолетней военной тренировки — явно не простолюдины.

Ни одного предмета, по которому можно определить личность, но догадаться всё же было несложно.

О возвращении наследного принца в столицу знали единицы, и прошло всего полмесяца — слухи о его исчезновении ещё не могли так быстро разойтись.

Даже если дошли бы до столицы, никто бы не знал, что он пропал именно на горе Чанмин.

Значит, свои сюда прийти не могли.

Те, кто пришёл, — враги.

А это означало, что те, кто напал на него в горах, всё ещё живы.

Кто-то сообщил настоящему заказчику покушения, что его тело не нашли — и теперь людей отправляют сюда снова и снова.

Так бы сделал и сам Цзян Шэнь — живым найти живого, мёртвым — мёртвого.

Ли Жуань слушал только половину смысла, но спросил:

— Ты знаешь, кто хочет тебя убить?

— Нет, — ответил Цзян Шэнь. — Среди гражданских и военных сановников, среди королевского рода — почти кто угодно.

Это было слишком далеко от мира маленького лиса; он даже не понял, о ком идёт речь, но почувствовал одно: очень много людей хотят смерти Цзян Шэня.

Ли Жуань вздохнул:

— Что же ты натворил, что тебя так ненавидят...

Цзян Шэнь тихо улыбнулся — он не сердился на такие слова.

После такого долгого общения маленький лис казался ему настоящим ребёнком — с чистыми мыслями и простыми вопросами.

Он погладил его по голове, поднялся, опираясь на трость.

Небо было усыпано звёздами. Цзян Шэнь немного посмотрел вверх и тихо сказал:

— Наверное, я и в самом деле нагрешил, раз родился в императорской семье.

Вернувшись в пещеру...

До того, как Цзян Шэнь проснулся, Ли Жуань уже запёк несколько картошек под огнём — как раз успели.

Ли Жуань грыз сладкий картофель и спросил:

— Что нам теперь делать? А-сюэ не любит, когда смертные приходят в горы. У тебя есть способ остановить их?

Цзян Шэнь подумал:

— Есть.

После еды он достал из мешка кисть и тушь, быстро написал письмо, затем порылся в вещах и нашёл подвеску из белого нефрита. Привязал её к письму.

— Ты говорил, что иногда синица улетал и даже в столицу летал за едой, — сказал Цзян Шэнь.
— Можешь попросить его доставить письмо?

Ли Жуань спросил:

— Тебе... домой отправить?

— Нет. В ломбард.

Ли Жуань удивлённо моргнул:

Цзян Шэнь подумал и объяснил маленькому лису более доступными словами:

— Хозяин того ломбарда — мой друг. Получив письмо, он передаст его другим моим людям и попросит их распространять слухи о том, будто я появился в разных местах. Тогда тот, кто хочет меня убить, подумает, что меня нет в горах Чанмин, и перестанет посылать сюда людей.

У Цзян Шэня имелись свои люди и собственная сеть связей в столице, а хозяин ломбарда был лишь одним звеном этой цепи.

Письмо нужно было отправить, во-первых, чтобы сообщить, что он жив, и успокоить тех, кто на его стороне. Во-вторых, чтобы несколько его людей могли выдать себя за него, показать, будто он направился на юг, и запутать настоящего заказчика покушения.

Ли Жуань спросил:

— Это поможет?

— Поможет. Но ненадолго, — сказал Цзян Шэнь.

Подделку рано или поздно раскроют, и он это понимал.

На самом деле лучший способ — вернуться в столицу и открыто показаться всем. Тогда всё решится само собой.

Но рана ещё не зажила, враг скрывается в тени — поспешное возвращение крайне опасно.

И...

Цзян Шэнь взглянул на маленького лиса, сидевшего рядом, и улыбнулся.

Сейчас он вовсе не спешил уходить.

Ли Жуань сказал:

— На самом деле у меня есть способ получше.

Он встряхнул ушами и, возбуждённо заговорив, предложил:

— Ты и я займёмся двойной практикой прямо сейчас! После завершения я смогу исцелить твою травму заклинанием — и отправить тебя обратно!

Цзян Шэнь: —...

— Нет.

— Почему? — Ли Жуань не понимал. — Ты боишься, что то, что было вчера ночью, повторится?

Он прижался головой к ноге Цзян Шэня:

— Не бойся! Я узнал — двойная практика это метод культивации, и если уметь контролировать, она не вредит эссенции и ещё... очень приятная! Ты даже не хочешь попробовать?

Цзян Шэнь молча ответил:

— Мне это не интересно.

Как бы он ни любил этого маленького лиса, интересоваться лисой он точно не собирался.

— Неправда, — фыркнул лис.

Он упёрся передними лапами — и толкнул.

Цзян Шэнь только что оправился от тяжелой лихорадки, сил почти не было, он даже не успел защититься — и оказался опрокинут на постель.

Маленький лис, прижав его, начал яростно тереться носом о его шею.

Мягкая шерсть щекотала кожу, Цзян Шэнь с трудом произнёс:

— Что ты делаешь?

Ли Жуань сверкнул глазами:

— Соблазняю тебя! Разве не видно?

Цзян Шэнь вздохнул и перестал сопротивляться.

Чистым у него был только внешний вид — голова у этого лиса была набита грязными мыслями.

Ли Жуань неумолимо тёрся, топтался, царапал, и через некоторое время выражение лица Цзян Шэня начало заметно меняться.

Ли Жуань тоже остановился.

Он тронул маленькой лапкой странное место:

— А почему здесь... — он наклонил голову. — Оно твёрдое? И... опухшее?

Такого он никогда раньше не видел.

Он наклонился и тронул ещё раз.

Лицо Цзян Шэня перекосило, покраснело и стало мрачным.

Он резко перевернулся, схватил лисёнка и отодвинул от себя, уши пылали.

— Не думай ерунду! Я вовсе...

Голос внезапно оборвался.

Он перевёл взгляд на стоящий рядом пузырёк с лекарством.

Ли Жуань повис в воздухе — Цзян Шэнь держал его за шкурку, — и только беспомощно перебирал лапками, глядя на него невинными глазами.

Цзян Шэнь глубоко вдохнул и спросил:

— Что это за лекарство ты мне дал?

<http://bllate.org/book/14444/1277230>